

Т. Р. ГАВРИШ

**Повесть или роман?
(К вопросу о жанре «Жизни Клима Самгина») ***

«Как известно, Горький постоянно колебался в выборе жанра “Жизни Клима Самгина”, именуюя её то “чем-то вроде хроники”, то “летописью” сорокалетней истории России, то “романом одного героя”, то “романом-хроникой”, а в последнем варианте — “повестью”»¹.

Эта проблема отражена в обширной переписке Горького. «Сейчас я пишу о русских людях, которые, как никто другой, умеют придумывать свою жизнь, придумывать самих себя» (письмо С. Цвейгу от 15 марта 1925 г.)²; «Роману придаю значение итога всему, что мною сделано» (письмо Р. Роллану от 21 марта 1925 г.)³; «питаю намерение написать нечто вроде хроники от 80-х годов до 918-го» (письмо А. Е. Богдановичу от 4 августа 1925 г.)⁴; «Писать русский роман — очень трудно, ибо приходится изображать людей, много думающих и говорящих, но неясно чувствующих и мало делающих. Собственно говоря, я, вероятно, напишу не роман, а хронику духовной жизни России с 80-х годов до 1918-го» (письмо Р. Роллану от 10 сентября 1925 г.)⁵; «Когда я вернусь в Россию? Когда кончу начатый мною огромный роман. Просижу я над ним не менее года, вероятно...» (письмо В. Я. Шишкову от 20 декабря 1925 г.)⁶; «Мой роман,

* Впервые: М. Горький — художник и мыслитель. Горьковские чтения — 2016: Мат-лы XXXVII Международной конференции. Н. Новгород: «БегемотНН», 2016. С. 176–184.

¹ Киселёва Л. Ф. Внутренняя организация повествования // Проблемы художественной формы социалистического реализма: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 284.

² Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. М.: Наука, 2012. С. 140.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ Там же. С. 326.

пожалуй, будет “хроникой” и будет интересен фактически, но если скажут, что его писал не художник, — сие приму как заслуженное» (письмо С. Н. Сергееву-Ценскому от 15 июля 1927 г.)⁷; «Посылаю Вам берлинское издание “Сорока лет”. Хотя Вы и похвалили отрывки этой хроники, в целом она, я думаю, не понравится Вам. В сущности — это книга о невольниках жизни, о бунтаре поневоле и ещё по какому-то мотиву, неясному мне, пожалуй. Вероятно, “неясность” эта плохо отразится на книге» (тому же адресату, от 15 августа 1927 г.)⁸; «Отнюдь не рисуясь перед Вами, скажу совершенно искренно, что бесконечная эта история попыток человека освободить себя от насилий действительности, не изменяя её иначе, как словами, — история эта написана у меня крайне тяжело, скучно и вообще — плохо» (письмо Р. Роллану от 30 января 1933 г.)⁹.

Таким образом, говоря о своем произведении, Горький постоянно менял его жанровое определение. На протяжении всего времени работы над «Жизнью Клима Самгина» Горький применял к этому произведению различные жанровые характеристики, причем на определенных этапах работы над книгой их вообще могло не быть, а сам автор ограничивался упоминанием о тематике произведения, как в письме С. Цвейгу от 15 марта 1925 г. Колебания между определениями «роман» и «хроника» у Горького были постоянны, причем, по мысли автора, в жанровом отношении «Жизнь Клима Самгина» тяготела скорее к последнему. Важнейшей тенденцией явилось также и то, что по мере осмысления Горьким произведения как своего рода «хроники» усиливалась его более чем строгая художническая самооценка. Проблема определения жанра, более того, была спроецирована и на конкретную ситуацию в тексте «Жизни Клима Самгина». Главный герой работает над постепенным уточнением названия задуманной им книги, и её название и жанровое определение также эволюционирует: «Русская жизнь и литература в их отношении к разуму»; «Искусство и интеллект»; «Русское искусство и интеллект»; «Гоголь, Достоевский, Толстой в их отношении к разуму»; «Жизнь и мысль»; «мемуары или — роман».

«Итоговое произведение писателя — “Жизнь Клима Самгина” — показательно как исследование взаимодействия между человеком и историческим временем», — считает Л. А. Спиридонова¹⁰. Исследователь утверждает: «<...> произведение мыслилось Горькому как “роман

⁷ Там же. Т. 16. С. 380.

⁸ Там же. Т. 17. С. 19.

⁹ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29. М.: Гослитиздат, 1954. С. 282.

¹⁰ Спиридонова Л. А. М. Горький: новый взгляд. М., 2004. С. 216.

века”, в основе которого структурный принцип “персонажного” романа соединён с хроникой духовной жизни интеллигенции и “движущейся панорамой десятилетий”¹¹. «<...> непредубеждённый взгляд легко может заметить во всей долгой и разнообразной писательской работе Горького настойчивые поиски большой эпической формы и его постоянные колебания между двумя основными видами прозаического эпоса — романом центристским, с историко-культурным центральным персонажем, и романом-хроникой, где носителем действия и сюжета становится само течение времени, которое движет персонажами», — пишет И. З. Серман в статье «Горький в поисках героя времени»¹².

Эта тенденция отчётливо ощущалась и современниками писателя. «Ныне, извлекая из общей связи явлений облюбованную им особь со всем, что её непосредственно окружает, писатель-романист уже не может остановиться, а неизбежно притягивает вместе с личностью весь огромный мир общественных явлений; хочет он или не хочет, он пишет социальный роман, хронику, летопись, то есть разбивает композиционную цельность замысла, выходит из рамок романа как системы явлений, непосредственно относящихся к личности. <...> Человек, действующий во времени старого европейского романа, является как бы сторожем всей системы явлений, группирующихся около него: тем более велико было искусство последних европейских романистов, в качестве такого стержня избравших людей заурядных и ничем не замечательных», — писал О. Э. Мандельштам¹³.

«...поглощён работой над романом, который пытаюсь писать и в котором хочу представить тридцать лет из жизни русской интеллигенции. Это будет, как кажется, нечто очень азиатское по разнообразию оттенков, пропитанное европейскими идеями, отражёнными в психологии и сознании абсолютно русском, в котором столько же реальных, сколько и выдуманных страданий», — писал Горький С. Цвейгу 14 мая 1925 г.¹⁴ Тем не менее, несмотря на широчайший охват и детальный анализ эпохи, многообразие действующих лиц и обилие разнообразных типов и характеров — всё то, что дало одному из современников Горького повод провести параллель между «Жизнью Клима Самгина» и «Войной и миром» Л. Н. Толстого, — в конечном итоге Горький определил своё произведение как «повесть».

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² Серман И. Горький в поисках героя времени // Etkind E., Nivat G., Serman I., Strada V. La letteratura Russa del Novecento. Problemi di poetica. Napoli, Istituto Suor Orsola Benincasa, MCMXC. С. 72.

¹³ Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 204.

¹⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 15. С. 173.

Все это — свидетельство серьезной проблемы, с которой столкнулся писатель в процессе работы над «Жизнью Клим Самгина». В эти годы, находясь вдали от родины, Горький тем не менее был глубоко погружен в современный литературный процесс: он пристально следил за развитием и становлением нового искусства, чутко прислушивался к различным голосам, звучавшим в советской России, выступая не только в качестве писателя, но и в не меньшей степени внимательнейшего читателя современной русской прозы и поэзии. Будучи неразрывно связанным с литературным процессом, творчество Горького было неотъемлемой его частью и развивалось в русле общей историко-литературной тенденции.

Первые десятилетия XX в. — противоречивая и трагическая эпоха революций и Гражданской войны — в России стали временем перелома и распада прежнего бытия — национального, культурного, исторического. Современная действительность и связанная с ней проблематика требовала нового художественного осмысления. Тем более сложным оно было в условиях хаоса первых пореволюционных лет, по-разному отраженного в литературе новейшего времени. Однако эстетическое освоение современности в литературе 1920-х гг. шло под знаком поиска устойчивых и прочных основ человеческого бытия.

Разрушение традиционного уклада жизни повлекло за собой распад классической романной идеи. Литература конца 1910-х — первой половины 1920-х гг. отреагировала на это преобладанием публицистики, а позднее повести над произведениями крупной эпической формы — в частности, романом о современности.

«В первой половине 1920-х годов <...> лидирующим жанром была повесть — героическая и бытовая. Её особое положение и особая структура были, с одной стороны, знаком возрождения традиций героического искусства и возникающей на этой основе героической жанровой тенденции, связанной с изображением общества в аспекте его становления, с другой стороны, определялись интересом к “физиологии” общества, к процессу создания нового социального организма. Роман с его традиционным интересом к судьбе личности, её самосознанию, её идейно-нравственной позиции был оттеснён на второй план»¹⁵.

В этот период высказывались крайне пессимистичные прогнозы относительно будущего романной формы. В статье «Конец романа» (1922) О. Э. Мандельштам писал «о связи, которая существует между судьбой романа и положением в данное время вопроса о судьбе личностей

¹⁵ Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века. От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. С. 25–26.

в истории <...>. Расцвет романа в XIX веке следует поставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, необычайно повысившей акции личности в истории и через Бальзака и Стендаля утучнившей почву для всего французского и европейского романа. <...> Ясно, что, когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, когда борьба классов становится единственным настоящим и общепризнанным событием, акции личности в истории падают в сознании современников, а вместе с ними падают влияние и сила романа, для которого общепризнанная роль личности в истории является как бы манометром, показывающим давление социальной атмосферы. Мера романа — человеческая биография или система биографий. <...> Дальнейшая судьба романа будет не чем иным, как историей распыления биографии как формы личного существования, даже больше чем распыления — катастрофической гибелью биографии»¹⁶.

Тем не менее в позднейшей советской прозе наметилась и постепенно стала укрепляться обратная тенденция.

1927 г. стал временем подведения первых итогов развития нового искусства. Обзор литературы последних десяти лет посвятили свои статьи, в частности, В. П. Полонский¹⁷, А. З. Лежнев¹⁸, А. К. Воронский¹⁹. Линия развития новой прозы, по Лежневу, была такова: от относительно слабой выраженности в общем литературном потоке в первые пореволюционные годы, через появление «динамической» прозы, связанной с настроениями Гражданской войны, далее через наметившуюся устойчивую тенденцию тяготения к «классикам как исходной точке» — к переходу «к быту, к социально-психологическому роману и повести»²⁰.

Таким образом, «самоутверждение романа явилось прежде всего ответом на необходимость эстетически осмыслить эпоху бурного разлома традиционного и становления нового общественного сознания, “драму идей”, сопутствующую ломке традиционных форм и норм жизни»²¹. Если в начале 1920-х годов речь шла лишь об определенной тенденции, то в середине десятилетия литературоведы и критики заговорили о возрождении романа. Об этом писал, например, Лежнев в статье «Русская литература в истекшем году. Некоторые выводы и итоги» (1926).

¹⁶ Мандельштам О. Э. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 203.

¹⁷ Печать и революция. 1927. № 10–11. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 10–25.

¹⁹ Красная новь. 1927. № 1. С. 5.

²⁰ Печать и революция. 1927. № 10–11. С. 25.

²¹ Скорospelова Е. Б. Русская проза XX века. От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). С. 26.

Отмечая такие произведения, как «Города и годы» К. А. Федина, «Барсуки» Л. М. Леонова, «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Страна родная» А. Весёлого, «Комиссары» Ю. Н. Либединского, значительные даже с учётом их художественной неравноценности (так, Лежнев противопоставлял романы Леонова и Либединского), автор писал о том, что они «представляют собой попытки синтетического охвата действительности, её художественного претворения». По мысли критика, «роман возрождается не как побочная, а как основная литературная форма», «как социальный роман, как мост к монументальному искусству»²². Исходным тезисом более поздней статьи Б. М. Эйхенбаума «Декорация эпохи» (1929) является констатация факта вступления современной литературы «в полосу нового развития исторического и биографического романа». По определению Эйхенбаума, роман — это эпическое произведение, «ставящее себе задачей дать людей и быт». Важнейшей характеристикой новой прозы, по мнению автора статьи, становится ориентация на био- и автобиографичность повествования: «Для современности характерно развитие именно биографической хроники, в центре которой — вопрос человеческой судьбы»²³.

В 1927 г. в журнале «Красная новь» была опубликована статья А. К. Воронского «Писатель, книга, читатель», в которой отмечены и проанализированы основные особенности современной русской прозы. Критикуя «внешний, неглубокий, иногда прямо описательный подход к изображаемым людям, типам, событиям», Воронский писал: «Нужно, чтобы художник показал нам человека в диалектике, в живом развитии его эмоций и мыслей, со всеми, подчас мучительными, дисгармоническими противоречиями, сомнениями и вывихами; показывают же нам чаще всего человека в стационарном состоянии, в покое»²⁴. Главное, что останавливает внимание критика, — это устойчивая тенденция к изображению прошлого. Он перечисляет целый ряд произведений современных авторов, обратившихся к исторической тематике: М. Горький («Дело Артамоновых»), В. В. Вересаев («Пушкин в жизни»), А. П. Чапыгин («Разин Степан»), А. Белый («Москва»), П. С. Романов («Русь»), М. М. Пришвин («Юность Алпатова»), С. А. Клычков («Чертухинский балакирь»), Ю. Н. Тынянов («Кюхля»), И. В. Евдокимов («Колокола»). «Не свидетельствует ли такое внимание к прошлому, — размышлял критик, — о некотором разладе многих писателей с настоящим?» Обозначив «разлад с настоящим», Воронский

²² Печать и революция. 1926. № 1. С. 3.

²³ Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Словесность, наука, критика, смесь. Л., 1929. С. 81.

²⁴ Красная новь. 1927. № 1. С. 5.

говорил о противоречиях современности, ее текучести, неуловимости, повышенной конфликтности и, следовательно, об особенной трудности её художественного изображения; о субъективности и частой несправедливости и предвзятости критики, вынуждающей авторов обращаться к более «спокойной» тематике, кажущейся не столь обязывающей. Однако обращение к прошлому, безусловно, стало несомненным признаком обозначившегося в литературе тяготения к роману: роман как эпическая форма становился одной из попыток художественного воплощения современной действительности и поиска ответов на важнейшие нравственные, социальные, философские, мировоззренческие вопросы эпохи.

12 января 1926 г. Горький писал И. А. Груздеву: «Как будто у нас зарождается очень оригинальный исторический роман, чего никогда не было»²⁵. В письме О. Д. Форш от 5 сентября 1926 г. он назвал четыре исторических романа, которые, на его взгляд, особенно выделялись в потоке современной прозы. Это её «Современники» и «Одеты камнем», «Кюхля» Тынянова и «Разин Степан» Чапыгина²⁶. 28 марта 1927 г. Горький писал Сергееву-Ценскому: «Как это значительно: Тынянов написал роман о Кюхельбекере, пишет о Грибоедове, О. Форш написала о Гоголе, Иванове, Огнев пишет роман о Полежаеве и т. д. Теперь Вы дали Лермонтова»²⁷. «Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман, — писал Горький в статье «О литературе». — Это превосходный роман А. Н. Толстого “Пётр Первый”, шелками вытканый “Разин Степан” Чапыгина, талантливая “Повесть о Болотникове” Георгия Шторма, два отличных, мастерских романа Юрия Тынянова: “Кюхля” и “Смерть Вазир-Мухтара” и еще несколько весьма значительных книг из эпохи Николая I. Всё это — поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его. Я не знаю в прошлом десятилетия, которое вызвало бы к жизни столько ценных книг. <...> ...Создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной»²⁸.

В это же время в русской прозе начинается освоение большой эпической формы. «А. Серафимович начинает работать над эпопеей “Борьба” — частью её должен был стать “Железный поток” (1924). Д. Фурманов намеревается запечатлеть эпопею Гражданской войны в большом произведении. П. Романов пишет большой роман с обязывающим заглавием “Русь”, предваряя повествование справедливым

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15. С. 354.

²⁶ Там же. Т. 16. С. 125.

²⁷ Там же. С. 292.

²⁸ Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. Т. 25. С. 248.

афоризмом: “Писать картину Великой Революции, начиная с самой Революции, значит говорить о следствии, минуя причину”. <...> ...Замысел “Донщины” у М. Шолохова раздвинулся до эпопеи “Тихий Дон” (1928–1940) <...>. Коренные изменения внёс в свой первоначальный замысел произведения “Хождение по мукам” (1922–1941) А. Толстой, поняв, что роман “Сёстры” “только начало эпопеи, которая вся разворачивается в будущем”. <...> Теперь художник становится еще и историком, и мыслителем»²⁹. В этом же потоке движется и развивается художественная мысль Горького: в феврале — начале марта 1925 г. он начинает писать первый том «Жизни Клима Самгина» — книгу, работу над которой продолжит до последних дней жизни.

Начало работы Горького над его последним произведением не случайно относится к середине 1920-х гг. «Странно сознавать, что эпоха, которую Вы берёте, нуждается в раскопке, как какая-то Атлантида, — писал Б. Л. Пастернак Горькому о «Жизни Клима Самгина» 23 ноября 1927 г. — Странно это не только оттого, что у большинства из нас она ещё на памяти, но в особенности оттого, что в своё время она прямо с натуры изображалась Вами и писателями близкой Вам школы как бытовая современность. Но как раз тем и девственнее и неисследованнее она в своём новом, теперешнем состоянии, в качестве забытого и утраченного основания нынешнего мира, или, другими словами, как дореволюционный пролог под пореволюционным пером. В этом смысле эпоха ещё никем не затрагивалась»³⁰. Создание нового романа означало и художественное воссоздание, как это сформулировал в своём письме Пастернак, «забытого и утраченного основания нынешнего мира» (не случайно столь разные художники, как Горький и Пастернак, ассоциируют ушедшую эпоху — её неизменную духовную сохранность, но в равной мере и совершенную безвозвратность — со схожими легендарными образами: затонувшей Атлантидой и чудесно спасшимся градом Китежем, о котором автор «Жизни Клима Самгина» размышлял, подбирая эпиграф к своему произведению). Эта художественная задача разрабатывалась как современниками Горького, так и самим Горьким. В 1927 г. было осуществлено отдельное издание первой части «Жизни Клима Самгина». Заглавием своего произведения, т.е. на уровне концептуального обобщения, Горький откликнулся на один из важнейших запросов времени: поместив в центре повествования личность, данную «в диалектике, в живом развитии», он попытался

²⁹ Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1978. С. 190–191.

³⁰ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М: АН СССР, 1963. С. 304.

реализовать в «Жизни Клима Самгина» художественный принцип биографизма. «История» человека вновь становилась основным средством развития и воплощения романной идеи, её необходимым атрибутом.

В процессе становления русского романа 1920-х гг. были выявлены важнейшие аспекты наиболее актуальных вопросов современной литературы. Будучи отражением кризисной, переломной эпохи, она становилась художественным воплощением своего времени, вбирая в себя все его непрерывные поиски и драматические противоречия. Вопросы романной проблематики также получали в то время совершенно новую интерпретацию. Однако, несмотря на это, одной из главных стала проблема осмысления современной эпохи как части истории, вливающейся в её общее русло. Биографичность создаваемого романа явилась одним из основных художественных средств, используемых, по определению В. Б. Шкловского, в качестве «внутренних скреп» произведения; определилась отчётливая установка на «построение» мира не только «вне», но и «внутри» героя, на изображение эпохи «через детали жизни и быта», «с вещами, с человеком, без стилистической напряжённости, без декораций»³¹. Постепенно роман формировался как наиболее адекватное и выразительное средство художественного отображения эпохи, и его главным, но ещё не решённым в этот период вопросом стал вопрос человеческой биографии, «личной жизни в истории», сообщающей «событиям связь и символическое значение»³².

Попытка поиска смысла истории, настоятельная потребность вернуться к «забытому и утраченному основанию нынешнего мира» сделали «Жизнь Клима Самгина» исключительно своеобразным произведением, ставшим феноменом, быть может, даже для самого Горького, — и прежде всего в плане определения его жанра. Тем не менее это произведение стало для писателя попыткой «построения» истории человека в широком смысле этого слова, художественного восстановления мира и личности в нём — то есть попыткой создания романа. Однако осознание необратимости истории, глубокий трагизм горьковского времени и современника, возможно, привели писателя к пониманию того, что в «Жизни Клима Самгина» романная идея не может быть реализована вполне: эпоха, как она изображена в произведении Горького, не только несёт трагический отпечаток утраты мирооснов; прежний мир, разрушенный «до основанья», едва ли мог быть восстановлен — и в реальном, и соответственно в художественном планах. Вероятно, понимание этого Горьким определило

³¹ Эйхенбаум Б. М. Мой современник. С. 84.

³² Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 254.

окончательное решение вопроса о жанре его итогового произведения. «...роман — композиционно замкнутое, протяжённое и законченное в себе повествование о судьбе одного лица или целой группы лиц», — писал Мандельштам о современном романе³³. Напротив, «Жизнь Клима Самгина» именно повествует о человеке и истории, неторопливо разворачиваясь перед читателем, как своеобразный свиток.

Авторское определение «Жизни Клима Самгина» как повести не поставило, однако, точки в решении вопроса о жанре последней горьковской книги в позднейших литературоведческих и критических исследованиях. По мнению А. И. Овчаренко, в горьковедении «нет единодушия в определении жанрового своеобразия произведения»³⁴. В русской прозе 1920-х гг. Горький одним из первых актуализировал биографию и биографический принцип повествования, поместив в центре его личность и судьбу человека, вплетавшуюся, пусть порой фрагментарно, в течение истории и судьбы России. В замысле «Жизни Клима Самгина» как романа и окончательном авторском жанровом определении произведения как повести сказались не только художественные тенденции времени её создания, но и специфика её главного героя. Вглядываясь в «даль свободного романа», Горький тем не менее писал повесть, что было обусловлено не только существовавшим в первой половине 1920-х гг. тяготением русской прозы к повести как основной эпической форме. Возможно, в процессе создания «Жизни Клима Самгина» Горький начал постепенно осознавать, что ввёл в свое повествование в качестве главного не «романного» героя, каким является центральный персонаж, иллюстрирующий конкретную художественную идею, несущий единую идейно-эстетическую концепцию. Созданный же Горьким художественный образ отразил рефлексирующий, неопределённый, во многом аморфный характер личности, напряженно внимательной к себе, враждебной идее революционного преобразования общества (что было очень важным для писателя), но неспособной к серьезно осмысленному и активному противостоянию ей.

³³ Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 201.

³⁴ Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. С. 188.